

Ю.ШТАЛЬ

Лейпциг, Германия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И.Г.ФИХТЕ КАК ОСНОВА КОНСТИТУТИВНОГО ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ*

«...внутреннее существенное благосостояние состоит в том, что при наименее тяжелом и длительном труде получаешь наиболее человеческие наслаждения. Таковым должно быть благосостояние нации, а не только некоторых индивидов. Высшее благосостояние последних часто бывает самым ярким признаком и действительной причиной бедственнейшего положения нации. Благосостояние должно распространяться на всех в приблизительно одинаковой степени»

*И.Г.Фихте. «Замкнутое
торговое государство»*

Воззрения Фихте, касающиеся идей справедливости и равенства, приобретают свои специфические очертания прежде всего посредством дискуссии современных ему представлений эпохи Просвещения с обозначенной Великой французской революцией темой смены эпох. Необходимо, правда, заметить, что французские энциклопедисты постулировали идею естественного равенства («egalité naturelle»), которое «свойственно всем людям на основе их природы» [1, S. 385]. И все же, выступая против «обманчивой картины абсолютного равенства», Дидро выдвинул идею «необходимости различия сословий», чины и привилегия которых должны существовать при любых обстоятельствах [2, S. 386–387]. Итак, естественное равенство, якобы, никоим образом не противоречит данному социальному неравенству. Ровным счетом нет ничего другого и в требовании Канта: каждому члену общины должно «на любой ступени сословия быть позволено достичь (что подобается любому подданному) того же самого, к чему его, соответственно, ведут

* Перевод М.А.Пушкаревой, научное редактирование А.В.Лукьянова.

талант, прилежание и счастье...» [3]. Отношения подданных не являются, таким образом, существенным вопросом; диктуемое равноправие касается лишь вопроса об отношении к правительству.

В противоположность этому притязания Фихте распространяются гораздо дальше. Хотя он так же, как и просветители, исходил в значительной степени из идеи естественного равенства людей, все же, в отличие от них, он попытался разработать некую модель общества, которая отменяла бы общественное неравенство. В этом состоит центральный пункт социально-теоретического мышления Иоганна Готлиба Фихте, которое было конкретизировано под воздействием руссоистских идей о народном суверенитете, разбросанных на страницах его политических и экономических произведений, а также под влиянием принципа либерализма, согласно которому каждый отдельный человек смог бы определить свое место в обществе сообразно своим собственным достижениям.

На фихтевское социально-теоретическое, точнее социально-этическое мышление наложили свой отпечаток революционные и послереволюционные события во Франции, которые на рубеже XVIII и XIX в. привели к углублению и радикализации критики общества и к последующей конфронтации с идеями европейского Просвещения. Специфику мышления Фихте при этом также определяли социальные и политические факторы. Взять хотя бы его близость к различным духовным и политическим движениям, предложения по преобразованию общества или, к примеру, его, по меньшей мере, посредническую деятельность в отношении «Общества свободных мужей» [4], наконец, членство в обществе свободных камешников или активное выступление против французского и вообще против всякого иностранного засилья.

В этой связи следует принять во внимание борьбу Фихте как представителя наиболее образованной части буржуазии за безопасное существование. При этом он, исходя из собственного опыта, обусловленного крестьянско-плебейским происхождением, хорошо осознавал социальные противоречия, которые рассматривал с точки зрения социально угнетенных и эксплуатируемых. Уже одно это не могло, хотя бы априори, не привести к глубокому осознанию общественной действительности. Это выразилось в его выступлении в защиту обездоленных низов, что бесспорно пошло на пользу общественному прогрессу. В данном отношении у Фихте угадывается особый дух политической активности, окрашенный в высокоморальные и теоретические тона.

Формирование социально-экономических взглядов Фихте связано с рецепцией ранней классической буржуазной политической экономии, которую теоретики Германии представили как распад и поляризацию

социально опасного «третьего сословия». В борьбе против теории феодальной собственности и так называемой камералистской теории хозяйства необходимо было отныне «ухватиться» за синтетический теоретический метод [5, S. 329], дабы идеи ранней классической политической экономии и теорию трудовой стоимости довести до ее капиталистического продолжения. При этом процесс теоретизирования над социальными и экономическими проблемами, взятый в контексте естественно-правовых реалий, у самого Фихте гармонично вписывается в процесс осмысления произрастания гражданской науки о государстве из феодальной камералистики [6, S. 227].

На становление социальной теории Фихте отчетливое влияние оказало современное ему европейское экономическое мышление, которому он придал свою собственную философскую интенцию. Он нигде не высказывал призываний на участие в создании экономических теорий и не чувствовал себя обязанным полемизировать или, напротив, присоединиться к какой-либо определенной школе. Тезис Г.Лукача, где он настаивает на идее «замкнутого государства», как бы высвечивает ту мысль, что Фихте активно изучал физиократов [7, S. 371], но это, на наш взгляд, напрямую не следует из текстов, которые были изданы. Едва ли также можно в деталях реконструировать ссылку М.Бура на А.Менгера и М.Вебер о том, что Фихте «между 1793 и 1800 гг. обстоятельным образом занимался социальными и хозяйственно-политическими вопросами» [8]. Издатели полного собрания сочинений Фихте в противоположность этому находят даже в данной абсолютизации едва ли полную поддержку мнению, что философ вплоть до 1800 г. занимался экономико-политическими проблемами [9].

В своей социальной теории Фихте выступает исключительно как защитник интересов мелкобуржуазных и крестьянско-плебейских слоев населения. При этом он принимает как идущие навстречу друг другу теории трудовой стоимости и меркантилизма, так и теории физиократов, а также философию Руссо. Равным образом ему были доступны и идеи «революционных буржуазных демократов» в Германии. Он полемицировал также с экономической политикой Конвента и имел возможность познакомиться с воззрениями Бабёфа [10].

При этом следует заметить, что философия Фихте, его социальная теория заключали в себе, помимо всего прочего, и продумывание экономического положения вещей. Однако фихтенскому мышлению все же нельзя приписать опоры исключительно на экономические категории, что составило бы исходный пункт его исследования. В известной степени они, в целом воспринимаемые в качестве таковых, выступают как

подогнанные под его естественно-правовые размышления. Следует задать и другой вопрос: какую же роль, собственно, фихтевский синтетический метод играет в деле проникновения в дух распадающегося сословно-феодального и одновременно парождающегося буржуазного общества и как далеко не в последнюю очередь он сказывается на понимании социально-экономических взаимосвязей?

Вне всякого сомнения в социально-экономических взглядах Фихте, а также во взглядах на преобразование общественной действительности царила ограда противоречивость социального развития той эпохи. Фихтевское мышление постоянно занимала при этом проблема развития государственного устройства и его понятия, относящегося к сфере прав гражданина и к преследующему свои собственные цели индивидууму. Если в 1793 г. Фихте хотел лицезреть индивидуума в традициях чисто просветительских теорий об обществе, в значительной степени освобождающих его от государственной (феодальной) опеки (эта мысль засвидетельствована в лекциях «О назначении ученого», в которых Фихте определяет общество как «отношения разумных существ между собой» [11, S. 34], так что его позитивный характер «состоит во взаимодействии посредством свободы» [12, S. 38]), то теперь статистские элементы выдвигаются на первый план и в последующие годы приобретают характер размышлений о распаде господствующего феодального и рождении нового общества.

Поскольку дух немецких порядков не позволял дать полный анализ экономического состояния, то Фихте вполне естественно и допускает некую функционирующую общину, с которой он соотносит различные элементы способа производства. В данной общине индивидуальное и общественное воспроизводство выступают далеко не раздельно. И все же история (феодальная) с необходимостью мыслилась в те времена как деформированное общественное состояние, которое можно было бы восстановить лишь посредством соответствующих реформ. Однако в то время, когда физиократы в целом дедукцировали капиталистические производственные отношения из естественной необходимости самого производства, мысля ее вполне независимо от воли и политики, Фихте отталкивался в сочинениях, посвященных естественному праву, к которым относится «Замкнутое торговое государство», от целого ряда правовых принципов, проведение в жизнь которых посредством морали и политики способствовало бы созданию разумных общественных отношений [13, S. 91–94].

Но причине господствующего в мелких немецких государствах правового хаоса роль государства в целях обеспечения и справедливого

распределения собственности становится центром размышлений Фихте, но далеко не все вопросы, связанные с использованием собственности, рассматривались в этом смысле в качестве предпосылки образования капитала. Для обеспечения права на существование посредством труда философ, что само собой разумеется, исходит из содержащегося в классической буржуазной политэкономии тождества собственности, труда и присвоения. Согласно его представлениям, у государства имеется функция собственности и труда, но используемая лишь в отношении присвоения произведенных товаров.

Согласно воззрениям буржуазной политэкономии мораль реализуется лишь через экономику, где индивидуум может выполнять свой гражданский долг, если оказывается в состоянии (в экономическом смысле) действовать свободно. В данном отношении экономика в трансцендентальной философии Фихте призвана определяться исключительно моральным поведением людей. Согласно постулату Руссо о разумном государстве и усвоенным ранее взглядам буржуазной национальной политэкономии о пропорциональном распределении труда философ попытался разработать идеал некоего сообщества, в котором не должно быть ни бедных, ни богатых. Стремление Фихте к достижению обеспечения минимума существования и преодоления преград к превышению некоего определенного имущественного максимума с помощью государственных мероприятий по урегулированию не должно никоим образом привести к состоянию экономической нестабильности, вызванной нападками феодалов в новых изоциренных формах. Фихте намеревался разрешить данное противоречие между сферами чисто политического и экономического действия исключительно с помощью идеи разума [14, S. 40].

Данный орган действия он усматривал в разумно управляемом государстве. В отличие от Просвещения, которое исходило из той мысли, что человеку необходимо использовать свой рассудок, дабы придать ценность прогрессу, Фихте стал утверждать, что люди никогда не были бы способны к нравственным действиям до тех пор, пока путем внешнего принуждения не оказалось гарантировано условие для сознательного раскрытия морального назначения человека. В данном правовом состоянии как «гарантии взаимной ответственности Всех перед Всеми в отношении собственности» государство выступает в роли политического и экономического способа преодоления социальных неурядков общества [15, S. 55]. Поэтому Фихте все больше и больше стремится возвысить правовое состояние от консервативного к творческому, активному моменту общественного процесса в целом.

Направляемая государством хозяйственная деятельность призвана, согласно Фихте и категорическому императиву Канта, следовать основополагающему принципу: «Природа должна все более и более преобразовываться согласно поставленным человеком целям» [16, S. 5]. «Несознанное» воздействие экономических процессов на общественную жизнь вместе с их непредсказуемыми негативными последствиями устранилось бы, согласно Фихте, путем становления «государственной экономики как некой политики» [17, S. 7]. Это и есть необходимое, гуманное требование Фихте, согласно которому чисто экономическая деятельность призвана соответствовать социальным целеустановкам. Ни феодальное потребление или накопление богатства, ни интересы отдельных лиц или социальной группы, а только «общая цель нации» [18] служили ему критерием социальной экономической политики. Это означало в собственно фихтевском понимании только следующее: удовлетворение потребностей в качестве условия раскрытия яркой индивидуальности. Отсюда следует вывод, что государство не регулируется, согласно Фихте, только лишь экономическими приемами. Государство обладает решающими функциями в планировании и организации производства, а также в процессе распределения произведенных им товаров. Это же относится и к справедливому распределению собственности, к ее защите. Только таким образом и можно гарантировать право на собственность, а тем самым и существование благодаря труду, в отличие от воздействия «слепой силы природы» [19], не согласующейся с разумным действием. Фихте последовательно выявил в модели общества государство с весьма далеко идущими полномочиями, не делая данное государство самоцелью.

Формирование подобного рода представлений о равенстве служило всегда выражением поисков альтернатив в отношении существования весьма аргументированных социальных различий. У Фихте постепенно накапливался повседневный опыт и знания о бедности и страданиях человека, о феодальных привилегиях и возникающих из этого несправедливых действиях и положениях в отношении социально-теоретических идей. В данном отношении стремление к справедливости наложило на стремление к некоему новому обществу, так как существующее современное нам общество не выполнило данное обязательство.

В исторической ретроспективе можно с уверенностью сказать, что проект такой модели общества не коснулся многих аспектов формирующей социальную действительность буржуазных отпочкований на европейском континенте. И все же разработанная Фихте и другими буржуазными демократами идея суверенитета народа на основе обществен-

ной модели, сглаживающей социальные противоречия, оказалась направленной не только против связанных с «феодалным абсолютизмом докапиталистических общественных форм, но и пробудила критический взгляд на политические и экономические иллюзии либерализма...» [20, S. 4]. Если особо остановиться на антифеодалном характере фихтевской философии, то критический взгляд на капиталистическую перспективу, брошенный Фихте на самом рубеже веков, оказался бы трудно обозримым [21].

В отличие от теоретического исследования собственно экономических отношений, существовавших в Западной Европе, размышления Фихте в достаточной мере не разработаны. Оценка «системы справедливого распределения» [22, S. 262] не должна все же ограничиваться простой констатацией данного факта. В данном отношении следует, скорее, сослаться на прогрессивное содержание самой идеи равенства, где никоим образом буржуазные требования, вытекающие из товарообмена, экономического и политического равенства и свободы, не утратили, как доказали современные демократические движения, своей притягательной силы [23, S. 189f].

Оригинальность фихтевского мышления состоит, на мой взгляд, не в том, что им был констатирован факт противоречия между бедностью и богатством, который он специфическим образом попытался отразить теоретически в представлении о некой модели справедливого общества, а в том, что данное противоречие предстало в Европе предметом достаточно широкой социально-политической публицистики. На эту публицистику, вероятнее всего, наложила отпечаток фихтевская теория субъекта, основанная на разработанном им оригинальном синтетическом методе и особенно на его этике.

Анализ человеческой деятельности, составлявший предмет фихтевского исследования, был преимущественным образом направлен на познание или исследование моральных действий, тем самым одновременно оказывались свчаченными и самые общие моменты субъект-объектной диалектики. В фихтевском наукоучении в виде синтетического метода был, таким образом, разработан целый инструментарий познания, который позволил выявить историческую диалектику общественного процесса и в особенности историко-образующую потенцию человеческого субъекта в некоем новом прогрессивном и углубленном свете (в отличие от уходящей философии). Чтобы теоретически проникнуть в социально-экономические отношения, Фихте была сделана попытка не случайным, а совершенно осознанным образом использовать методические принципы, дабы их тотально распространить на понятие, предъявив в то же время к самому себе следующее требование:

«Развить общегосударственную экономику из Единого Основного принципа» [24, S. 5]. Вытекающий из всего этого дедукционизм (Deduktionismus) Фихте неоднократно критиковался. И все же связанное с этим способом требование гегельтически изобразить развитие явлений путем исследования их опосредованных членов в их сущностной взаимосвязи не должно быть упущено [25]. Именно данное теоретическое требование выходит за рамки метода современной классической политэкономии (например, Риккардо), но все же оно мыслится посредством осмысления его формы проявления, т. е. как непосредственное изображение всеобщего закона [26, S. 41, 43].

Фихтевская трансцендентальная философия вовсе не растворилась в дальнейшем последовательном процессе развития философии XIX столетия и отнюдь не утратила и не утрачивает с появлением новых возникающих образов своей исторической ценности. Это обосновывается не только дошедшим до настоящего времени действием идей Фихте в краутизме, возникшем в Латинской Америке, но и обращением младегегельянцев к фихтевской теории самосознания, а также сломом гегелевской системы [27] или признанием Марксом и Энгельсом фихтевской философии одним из источников их теоретического мышления. Весьма симптоматично для указанного факта усилившееся прежде всего за последние четыре десятилетия восприятие фихтевского мышления различными философскими направлениями и школами [28].

Весьма примечательна в обсуждаемой здесь, помимо всего прочего, взаимосвязи собственно фихтевская концепция деятельности, предполагающая, по сути, понимание общественного характера труда, точнее социальной сущности человека. Высказанная Марксом относительно теории стоимости Адама Смита мысль, что человек есть деятельный субъект, открывает путь к осмыслению общественного характера труда, когда люди вступают между собой в основанные на разделении труда отношения [29, S. 530–531]; эта мысль относится и к Фихте, хотя она и не получила у него развития в форме экономической теории. Это обосновывает прежде всего разработанная им на базе нравственных постулатов модель общественного разделения труда и ее посредническая сущность: неравенство сословий здесь усматривается, как и у Руссо, в моральных основаниях; оно (т. е. неравенство) не составляло для Фихте никаким образом Божественного или естественного, бесспорного характера. Сама структура социальной общности вместо этого возникает из действий людей, имеющих определенные цели [30]. При этом физическое неравенство индивидуумов выравнивается основанным на разделении труда обществом. Поскольку индивидуум не согласно своей природе

де может развить все свои способности в соответствии с нравственным императивом, то необходимо, чтобы все его задатки «были развиты однообразно» [31, S. 43]. Поэтому «...каждый индивидуум по праву избирает себе в обществе определенную отрасль всеобщего развития, предоставляет остальные другим членам общества и ожидает, что они дадут ему возможность воспользоваться преимуществом их развития, подобно тому как он дает им возможность воспользоваться *своим*; и это есть начало и правовое основание различия сословий в обществе» [32, S. 51]. Не происхождение, не дающий право феодальный титул определяют принадлежность индивидуума к какому-то сословию, а только опосредованное удовлетворение потребностей людей путем разделения труда, их деятельности или же ее достижения. Свободный выбор сословия есть, как видим, необходимое требование вернуть обществу то, что оно сделало для отдельного человека. Отсюда вытекает та мысль, что никто «не имеет права работать только для самоуслаждения» [33, S. 33]. Долг человека — поставить свое образование на пользу общества. Ибо только своим трудом он оказывается возведенным в свое сословие, дабы обрести его. При этом каждый индивидуум направляет свои усилия к достижению конечной цели общества и в результате «благодаря этому повому неравенству возникает новое равенство, именно однообразное развитие культуры во всех индивидуумах» [34].

В идее «поступательного продвижения культуры» у Фихте мы вычитываем ту мысль, что «мы все-таки замечаем по крайней мере вне нас объединение, в котором никто не может работать для самого себя, не работая для всех остальных, или, работая для другого, не работая в то же время и для самого себя...» [35, S. 49].

Итак, в фихтевской модели общества самым основательным образом осмысливается факт обмена товарами. Этот обмен выступает как обмен деятельностями между индивидуумами различных сословий с целью удовлетворения их потребностей. Фихте, таким образом, не поддавался идее «уравниловки», которая абсолютизирует представления о равенстве и нивелирует в своей крайней форме человеческую индивидуальность. Непроизводящие ничего слои (дворянство, армия, церковники) не занимают в данной сословной иерархии никакого места. Антифеодальная направленность этой мысли вполне очевидна. Последовательно прослеживается у Фихте также проблематика войны и мира. Из признания того факта, что война лишь немногим «угнетенным» приносит пользу [36, S. 551], Фихте далеко не в последнюю очередь активизирует мысль о том, чтобы устранить причины войн (именно об этом речь идет в фихтевском проекте общества) путем соблюдения равноправных принципов

существования социально-экономических и политических состояний как «внутри государства, так и в его внешних отношениях» [37].

Представлениям Фихте о социальной структуре свойственна иерархичность. Производящие «низшие народные классы» порой именуется решающей движущей силой и якобы призваны для «продвижения человечества к лучшему будущему» [38, S. 314], но на самом деле понимаемые буквально образом они все же выглядят как бездуховные «размерности» человеческого рода, в то время как высшие классы олицетворяют сам дух [39, S. 316]. В отличие от смитовского способа объяснения буржуазного общества путем исследования структуры мануфактурного способа производства, фихтевская модель социальной структуры не являлась продуктом экономического анализа, а по своей сути имела этические и идеологические соображения, в которых далеко не в последнюю очередь нашли выражение иллюзорные представления образованной части буржуазии о своей общественной роли.

Однако размышления Фихте о состоянии проблемы в общем таковы: необходимо дать теоретическое обоснование альтернативы в отношении существующего позднефеодального сословного государства. При этом более допустимым выступает исходный пункт осмысления процесса общественного воспроизводства по удовлетворению «естественных» потребностей. Фихте тематизировал, таким образом, очевидный распад индивидуального и общественного воспроизводства и тем самым противопоставил ему идеальную общину. Материальный базис общества, который он попытался выразить через концепцию «справедливых» экономических отношений, поскольку они призваны установить этическое сверхпонятие, достигается методом формирования определений меры, к которым безусловно относятся властные полномочия государственной власти, а также поступки индивидуумов. Исходя из данной основополагающей мысли, Фихте, как следует признать, формулирует в «Системе учения о нравственности» (1812) следующую мысль: «Речь вовсе не идет о том, что тот или иной индивидуум здесь вообще есть, но о том, что нравственность принимает форму справедливости...» И далее: «Подобно тому, как мое собственное поддержание порядка для меня выступает как долг, так и для всех остальных он выступает таковым; ведь он по тем же самым причинам должен являться сохранением инструмента нравственного закона. Но ни себя самого, ни кого-либо другого я не должен сохранять неправедными средствами» [40, S. 91–92].

Фихтевские социально-экономические размышления, вне всякого сомнения, раскрывают свой амбивалентный характер. С одной стороны, Фихте сформировал на базе принципа равенства утопическое представ-

ление об идеальной перспективе общественного устройства. Путь туда никоим образом не пролегает в смысле исторического регресса. В споре с Руссо Фихте отстаивает историческую диалектику [41, S. 642]. В отличие от этого он выделяет «страдания» или, как выражается Фихте, «боль», которая возникает в индивидууме при неудовлетворении естественных потребностей, пробуждая тем самым его к деятельности и одновременно вызывая движущую силу исторического прогресса [42, S. 66–67]. Но сам процесс функционирования борющейся общины рождается не из смены кризисов и этики. Экономическая концепция Фихте, отразившая дух этики, скорее рассчитана на то, что этика по большому счету исключает кризисы.

В данном отношении основная цель фихтевских размышлений о справедливости и равенстве имеет далеко не негативно-оценивающий характер. Вероятнее всего, Фихте развивал по сути дела конститутивное понятие о справедливости, которое отражало субъектно-активное, сознательное воздействие индивидуума на жизненные соотношения, на его активное вмешательство в ход истории. Опираясь на это, Фихте обосновывает необходимость выхода за пределы никак не идеализируемого естественного состояния и допускает снятие «империи эгоизма» [43, S. 376, 381]. Напротив, детерминистские общественные теории французских просветителей Фихте свел к активному человеку как конституирующему субъекту общественных отношений и активному преобразователю истории.

С другой стороны, философ не хотел и не мог предъявить требований к теоретическому осмыслению социально-политического развития с экономической точки зрения. Его общественная концепция несла, по большому счету, идеал гармонии между трудом и собственностью. В отдельных случаях Фихте достаточно серьезно выступал против линейного прописывания опережающих общество экономических состояний; он объяснял и обосновывал в противоположность этому социальные антагонизмы, перевороты и даже саму революционизацию общественных отношений [44, S. 274]. При этом достигаемое «истинное» естественное состояние выявляет, конечно же, далеко идущий государственный характер концепции Фихте. В «Замкнутом торговом государстве» именно потому, что оно воспринимается разумно, постулирована определенная экономическая структура, а затем фактически безвременная и оптимальная форма социального и индивидуального процесса воспроизводства. И все же оценка собственно фихтевских социально-экономических взглядов, изложенных в особенности в сочинении «Замкнутое торговое государство», не должна ограничиваться тем, что в нем начинают видеть некий пример «отзвука ранней классической политэкономии» [45, S. 335]. Возможно, они

принадлежат к выдающимся манифестациям открытия исторических перспектив, преодолевающих постоянную историческую ограниченность и развиваемых из идеи социальной обособленности обипирных требований нарождающейся немецкой буржуазии, ее экономических, социальных и политических интересов. Одновременно взгляды Фихте делали колоритным сам этап восприятия западноевропейской национальной экономики [46]. Несмотря на теоретическое отличие от политэкономии А.Смита, сам Фихте определенно придерживался позиции немецких смитовцев. На мой взгляд, это стоит особо выделить, особенно в отношении фихтевской социальной утопии, конечно же, со ссылкой на оценку Меринга [47, S. 797].

Проект Фихте как в мировоззренческо-идеологическом, так и в теоретическом отношении, существенным образом отличается от консервативно-феодальных моделей мышления с их подчеркиванием особой функции дворянства, феодального государства и его бюрократии [48, S. 294ff.]. Высказанная в «Проекте к политическому произведению, относящемуся к началу 1813 г.» надежда на заступничество прусского короля в пользу справедливого будущего отнюдь не направлена на сохранение позднефеодальных, а тем самым несправедливых отношений. Призыв к королю как к последней морально-политической инстанции совершался с учетом того факта, что сам Фихте не мог представлять собой никакой действительной общественной силы для активной реализации своих идей. Конечно, образ короля не обозначен в абсолютистском смысле, т. е. как Божественно-всемогущий, а представлен в контексте действия разумного закона, осуществления его в действительности. Призыв Фихте есть взывание к действию, к устранению существующей несправедливости. Справедливость и право появляются в данном смысле как абстрактные этические нормы, как ожидаемый конкретный поступок [49, S. 565]. Мир предстает тем самым как несправедливый, в отношении бытия справедливости оказывающийся возможным лишь исключительно для набожного человека, в то время как справедливый мир предстает абсолютно совершенным в смысле буржуазного освободительного движения, т. е. в качестве посторонней альтернативы.

В остальном же следует приписать собственно фихтевским социально-экономическим воззрениям такие характеристики, как политическое мышление, борьба за национальное единство Германии, за образование немецкой нации. Все эти характерные для фихтевского мышления особенности обязаны его широкому гражданскому мышлению. Выраженное в этом требование освобождения граждан всех слоев населения сводится по крайней мере к двум полюсам: на одном — культивирование

индивидуума вплоть до состояния гражданина с помощью социально-теоретического обоснования гражданской свободы, несовместимой с феодально-сословной зависимостью; на другом – процессе дисциплинирования субъекта, поскольку речь здесь идет о размышлениях над предпосылками и условиями формирования национальных буржуазных отношений. Такие размышления, безусловно, находились в противоречии как с социально-экономическими и политическими реалиями позднефеодальной раздробленности в Германии, так и со все более формирующимися капиталистическими нациями (Англия, Франция, Голландия). По всей видимости, немецкие товары, снижающие конкуренцию, т. е. конкурентоспособность, все активнее привлекались на рынок и таким образом препятствовали, по всей видимости, формированию национального немецкого рынка.

Отсюда можно сделать тот вывод, что Фихте предвосхитил в своих экономических взглядах тенденцию прогрессирующего компромисса между капиталистическим развитием и требованиями государства по урегулированию социально-экономических отношений и защите своих национальных интересов от заграницы. Эта тенденция, выступившая на первый план в первой половине XIX в., – характерная черта немецкой национальной экономики. Неслучайно, что экономические взгляды Фихте часто сравнивают в этом смысле со взглядами Листа [50, S. 251ff.]. И все же против неожиданного сходства обоих мыслителей можно выдвинуть факт их различного исторического местоположения. Именно поэтому критика Маркса, касающаяся немецкой национальной политэкономии и предпринятая на примере Листа, также ограничивалась лишь Фихте [51, S. 423–446]. Мысль Фихте не была направлена на защиту какой-либо формы эксплуатации, так что его взгляды не являлись «социалистическими фразами». Как мне думается, они, согласно своему изначальному выражению, отражали мелкобуржуазные представления о ценностях.

В результате выяснения взаимного влияния диалектической методологии и социальной теории в самом фихтевском наукоучении следует обозначить взгляд, направленный на исследование диалектики общественного прогресса, обострившийся в его учении о методе. Сформированные Фихте методические принципы стали весьма действенными, и при этом их действенность особо проявилась в отрицании законов линейного (поступательного) характера развития. Философ противопоставил им анализ действия противоположных тенденций. Прежде всего этот анализ общественных противоречий был конкретизирован Фихте в его социальной теории, основанной на весьма своеобразном взгляде на

возникновение причин и форм движения общества. Из факта обострения социальных антагонизмов Фихте дедуцировал необходимость общественного прогресса, создания в конечном счете разумного государства: «А возникновение правового строя внутри государства и освобождение первого народа, ставшего действительно свободным, вытекает необходимо из гнета господствующих сословий над подчиненными, все время растущего, пока он не сделается невыносимым; роста же страстей и ослепления, неустрашимых никакими предостережениями, можно с уверенностью ожидать» [52, S. 274].

В теоретической философии Фихте был разработан инструментарий познания, который помог обосновать распад феодального господства и сформировать в конечном счете диалектическую историческую картину. В ней исторические ступени развития общества представляли не в виде деформированного природного состояния, а по большей части как необходимые формы общественного прогресса. Немецкая классическая философия тем самым совершила в данном отношении осмысление процесса смены парадигм; историческое развитие, дедуцированное из неразвитого общественного состояния, постепенно приводило к пониманию самого способа бытия, адекватного человеческой природе.

Как со стороны антигетического метода, так и со стороны проявления отдельных социально-экономических и политических высказываний фихтевская социальная теория содержит в себе тенденцию исторического понимания также человеческого общества.

Против требования приписать Фихте авторство теории социализма [53], отстаиваемого в современном социально-теоретическом и экономическом дискурсе, стоит заметить следующее: переход от требования политического равенства к требованию социального равенства совершается в эпоху Французской революции. Робеспьер и Сен-Жюст наложили действенный отпечаток на само понятие «право на существование» [54].

И все же лишь Бабёф комбинирует требование социального равенства со стратегией утопического коммунизма, но в отличие от утопистов эпохи Просвещения он выдвигает «программу борьбы против конституируемого отныне буржуазного общества» [55, S. 28]. Хотя можно проследить сходство с представлениями Робеспьера и Бабёфа об обществе [56, S. 146ff.], все же в противоположность данному взгляду Фихте отстаивается мнение, что единство индивидуального и общественного воспроизводства конституируется в общине, базирующейся на идее земельной собственности и основанной на сельскохозяйственном производстве и труде; Фихте в результате всего этого укрепился в мысли о реинтерпретации сословных подразделений общества. Собственный труд

должен был бы поддерживаться собственными средствами. Отстаивая теорию трудовой стоимости, Фихте интерпретировал определенные формы производства и организации общественного движения, соотнося их с социальными и моральными ценностями докапиталистических общин; в данном отношении он попытался придать им буржуазный вид, исключая из них различные феодальные элементы. При всей исторической обусловленности философии Фихте его социально-экономические воззрения все же представляют собой не только чисто исторический интерес. Развиваемая в философии Фихте мысль, согласно которой человек не является объектом и средством поддержания социальных отношений, а выступает в качестве их субъекта и цели, несомненно, обладает актуальностью. Вследствие этого социальные недостатки и вытекающее из всего этого прославление (Depravation) индивидуальности никак не сочетаются в своей фактичности ни с либеральным приукрашиванием непредотвратимости явлений, ни с вполне осознанными общественными действиями, существующими по законам человеческого разума.

Вопреки исходящей из признания объективного характера общественных закономерностей иллюзии, которая многогранным образом выводится из так называемой мнимой логики вещей, в трансцендентальной философии Фихте стоит выделить следующий аспект: человек, несмотря на техницистские взгляды и парализующий его дух пессимизм, в своих действиях сам задает условия своего социального бытия, а тем самым несет ответственность за формирование правового общества.

Anmerkungen

1. D.Diderot: [Stichwort:] Natürliche Gleichheit. In: Artikel aus Diderots Enzyklopädie. Hg. v. M.Naumann. Leipzig 1972.
2. Ebenda.
3. I.Kant: Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis. Werkeausgabe. Hg. W.Weischedel. Bd. IX, 147.
4. Vgl.: A.Ruiz: Universität Jena anno 1793/94. Jakobinischer Student und Geheimagent im Schatten Reinholds und Fichtes. In: Revolution und Demokratie in Geschichte und Literatur. Duisburger Hochschulbeiträge. 1979. H. 12.
5. H.Lehmann (Hg.): Grundlinien des ökonomischen Denkens in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin 1977.

6. Vgl.: W.Krause: Fichtes ökonomische Anschauungen im "Geschlossenen Handelsstaat". In: Wissen und Gewissen. Hg. v. M.Buhr. Berlin 1962.
7. Vgl.: G. Lukács: Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft. Berlin / Weimar 1986.
8. Vgl.: M.Buhr: Vernunft – Mensch – Geschichte. Berlin 1977. S. 147 sowie die in den Anmerkungen 141 und 142 auf S. 251 gegebenen bibliographischen Hinweise.
9. Vorwort [zu: J.G.Fichte: Ueber StaatsWirthschaft]. In: J.G.Fichte – Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. (Im folgenden abgekürzt "GA"; Bd. II/6. S. 4. In der bisherigen Edition der Gesamtausgabe des fichteschen Werkes findet sich keine Bezugnahme auf einen markanten Ökonomen. Die namentlichen Erwähnungen Lockes und Humes beziehen sich auf deren philosophische Auffassungen, ebenso der Hinweis auf A.Smith in der "Rezension Gebhard" (Vgl.: GA I/2. S. 21) Lediglich der "Geschloßne Handelsstaat" gibt einen Hinweis auf die direkte Auseinandersetzung mit den ökonomischen Auffassungen Smith'. (Vgl.: J.G.Fichte: Der geschloßne Handelsstaat. Ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtslehre und Probe einer künftig zu liefernden Politik. GA I/7. S. 96).
10. W.Markov: Babeuf in Deutschland. In: Literaturgeschichte als geschichtlicher Auftrag. Hg. v. W.Bahner. Berlin 1961. S. 61ff.; M.Buhr: Vernunft – Mensch – Geschichte. A. a. O. S. 148.
11. J.G.Fichte: Einlege Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. GA I/3.
12. Ebenda.
13. Dass dieses Herangehen wesentlich ideologischen Erfordernissen des bürgerlichen Emanzipationsstrebens geschuldet war, zeigt die parallele Ausbildung solcher Ideen durch revolutionäre bürgerliche Demokraten, etwa durch G.Forster. Vgl.: W.Förster: Revolutionär-demokratische Gesellschaftsauffassungen in Deutschland in der Periode der Französischen Revolution. In: W.Förster (Hg.): Gesellschaftslehren der klassischen bürgerlichen deutschen Philosophie. Studien zur Vorgeschichte der historischen Materialismus. (II). Berlin 1983.
14. Vgl.: Z.Batscha: Einleitung. In: J.G.Fichte: Ausgewählte politische Schriften. Hg. v. Z.Batscha u. R. Saage. Frankfurt a. Main 1977.
15. Ebenda, S. 28; vgl.: J.G.Fichte: Der geschloßne Handelsstaat. A. a. O.
16. J.G.Fichte: Ueber StaatsWirthschaft. A. a. O.
17. Ebenda.
18. Ebenda.
19. Ebenda.

20. J.Höppner: Aktuelle Bedeutung und Problematik des vormarxistischen Sozialismus. In: W.Seidel-Höppner / J.Höppner: Sozialismus vor Marx. Beiträge zur Theorie und Geschichte des vormarxistischen Sozialismus. Berlin 1987.

21. Erst in der Rechtslehre von 1812 und dem Exkurs zur Staatslehre von 1813 trug Fichte den Gegebenheiten der sich abzeichnenden bürgerlichen Entwicklung insofern stärker Rechnung, als Elemente wie Industrie und unternehmerische Initiative, Handel und Kapital nunmehr eine gewisse eigene Bedeutung zugesprochen bekamen und nicht mehr der Staat gesamten Wirtschafts- und Gesellschaftsprozess reguliert.

22. J.-Ch.Merle: Fichte's economic philosophy and the current debate concerning distributive justice. In: Daimon. Revista de Filosofia. Nr. 9 (Murcia 1994) (Fichte: El dominio de la razón. Ed. J.L.Villacañas/F. Oncina.)

23. Vgl. u. a.: K.Marx: Das Kapital. In: K.Marx / F.Engels: Werke Bd. 23. Berlin 1975.

24. J.G.Fichte: Ueber StaatsWirtschaft. A. a. O.

25. Vgl. J.Ch.Merle: Fichte's economic philosophy and the current debate concerning distributive justice. A. a. O. S. 261; Merle verweist in diesem Zusammenhang weiterhin auf die Arbeit von C.J.Elster: Making sense of Marx, Cambridge University Press 1985.

26. Vgl.: K.Marx: Theorien über den Mehrwert. Zweiter Teil. In: K.Marx / F. Engels: Werke. Bd. 26.2. Berlin 1987. S. 100; das Problem der Vermittlung des in Gesetzesaussagen theoretisch gefassten Wesens und ihrer konkreten Erscheinungsweise bzw.politischen Umsetzung bildet auch das Thema der Zueignung des "Geschlossenen Handelsstaates" an den preußischen Staatminister von Struensee. Vgl.: J.G.Fichte: Der geschlossene Handelsstaat. A. a. O.

27. Vgl. u. a.: A.Ruge: Zur Kritik des gegenwärtigen Staats- und Völkerrechts. In: Die Hegelsche Linke. Dokumente zu Philosophie und Politik im deutschen Vormärz. Leipzig 1985. S. 153; M.Hess: Sozialismus und Kommunismus. In: G.Herweg (Hg.): Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz. Hg. v. L.Pepperle. Leipzig 1989. S. 160ff.; M.Hess: Philosophie der That. In: Ebenda. S. 440ff.; Vgl. dazu H.-J.Becker: Fichtes Idee der Nation und das Judentum. Fichte-Studien-Supplementa. Bd. 14. Amsterdam – Atlanta 2000. S. 287 ff.

28. Neben den hier im Artikel genannten Schriften vgl. weiterhin: H.Klenner: Das Recht auf Arbeit bei Johann Gottlieb Fichte. In: Festschrift für Erwin Jacobi. Berlin 1957; B.Willms: Zur Dialektik der Planung. Fichte als Theoretiker einer geplanten Gesellschaft. In: Säkularisation und Utopie. Erbacher Studien. Stuttgart 1967. S. 155ff.; Z.Batscha: Die Arbeit in der Sozial-

philosophie Johann Gottlieb Fichtes. In: Archiv für Sozialgeschichte. Bd. 12 (1972); P.K. Schneider: Sozialismus als Kritik der Wirklichkeit durch Vernunft. Zu Fichtes ordnungspolitischen Weltbild. In: Erneuerung der Transzendentalphilosophie im Anschluß an Kant und Fichte. Hg. v. K.Hammacher u. A.Mues. Stuttgart-Bad Cannstatt 1979. S. 310ff.; H.Hirsch: Einleitung. In: J.G.Fichte: Der geschlossene Handelsstaat. Hg. v. H.Hirsch. Hamburg 1979; ders.: Fichtes Beitrag zur Theorie der Planwirtschaft und dessen Verhältnis zu seiner praktischen Philosophie. In: K.Hammacher (Hg.): Der Transzendente Gedanke. Die gegenwärtige Darstellung der Philosophie Fichtes. Hamburg 1981. S. 215 ff.; A.Verzar: Das autonome Subjekt und der Vernunftstaat. Eine systematisch-historische Untersuchung zu Fichtes "Geschlossenem Handelsstaat" von 1800. Bonn 1979; G.Pult: Le modèle de planification de Fichte. In: Johann Gottlieb Fichte: L'état commercial fermé. Tradition nouvelle avec une introduction et de notes de Daniel Schulthess. Lausanne 1980. S. 43ff.; C.Cesa: Un manoscritto finora inedito di Fichte. In: Giornale Critico della Filosofia Italiana. Firenze. Jg. 60 (1981) S. 267f.; A.Mitsugi: Die Theorie des Eigentums und die bürgerliche Gesellschaft. In: Bungaku – Bu Ronso (The Journal of the Departement of Literature, Risho University, Tokyo. Nr. 83 (1986), S. 125 ff. (japanisch); J.Stahl: Le concezioni socioeconomiche di Johann Gottlieb Fichte come banco di prova della filosofia trascendentale. In: Rinascita della Scuola. Nuova Serie. Rom 1992. Anno XVI. Nr. 1. S. 3ff. (ital.).

29. Vgl.: K.Marx: Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. In: K.Marx / F.Engels: Werke. Ergbd. I. Berlin 1977. S. 530/531.

30. J.G.Fichte: Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. A. a. O. S. 46/47; ders.: Der geschloßne Handelsstaat. A. a. O.

31. Vgl.: J.G.Fichte: Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. A. a. O.

32. Ebenda.

33. Ebenda.

34. Ebenda.

35. J.G.Fichte: Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. A. a. O.

36. Aus den vielen möglichen Belegen sei – um die Kontinuität der Auseinandersetzung mit diesem Problem im fichteschen Denken anzudeuten – verwiesen auf: J.G.Fichte: Aus dem Entwurfe zu einer politischen Schrift im Frühlinge 1813. In: Johann Gottlieb Fichte's sämmtliche Werke. Hg. v. I.H.Fichte. Bd. VII. Berlin 1846.

37. Vgl.: J.G.Fichte: Der geschloßne Handelsstaat. A. a. O. S. 106ff.; ders.: [Rezension] Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf von

Immanuel Kant. In: GA I/3. S. 222, 227; dazu: D.-E.Franz / J.Stahl: "Der ewige Friede ist keine leere Idee, sondern eine Aufgabe". Bemerkungen zu den Friedenskonzeptionen Kants und Fichtes. In: Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 31. Jg. (1983) II. 1. S. 18ff.; W.Förster: Die Klassische deutsche Philosophie über Krieg und Frieden. In: W.Förster (Hg.): Gesellschaftslehren der klassischen bürgerlichen deutschen Philosophie. A. a. O. S. 126 ff.

38. J.G.Fichte: Das System der Sittenlehre nach den Principien der Wissenschaftslehre. In: GA I/5.

39. Vgl.: Ebenda.

40. J.G.Fichte: Das System der Sittenlehre (1812) / In: J.G.Fichte: Ausgewählte Werke. Hg. v. F.Medicus. Hamburg 1912.

41. Blochs Einschätzung, wonach Fichte "als einer der ersten die rückwärts gewandte antikapitalistische Utopie berührt" habe, hebt m. E. daher nur eine Tendenz hervor. Vgl.: E.Bloch "Staatssozialismus aus dem Geiste Rousseaus". In: E.Bloch: Das Prinzip Hoffnung. In: E.Bloch: Werkausgabe. Bd. 5. Frankfurt a. M. 1985.

42. J.G.Fichte. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. A. a. O.

43. J.G.Fichte. Reden an die deutsche Nation. In: J.G.Fichte: Ausgewählte Werke. IIg. v. F.Medicus. A. a. O. Bd. 5.

44. Vgl.: Ebenda. S. 227; ders.: Die Bestimmung des Menschen. A. a. O.

45. H.Lehmann (Hg.): Grundlinien des ökonomischer Denkens in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. A. a. O.

46. P.Thal: Zur Stellung des klassischen bürgerlichen. Ökonomen Adam Smith in der Geschichte der politischen Ökonomie. Habilitationsschrift. Halle-Wittenberg 1965. S. 175ff; ders.: Aufklärung und politische Ökonomie. In: Die Wissenschaftskultur der Aufklärung. IIg. v. R.Mocck. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge. 1990/18 (A 123). Halle (Saale). S. 47ff.

47. Vgl.: F.Mehring: Fichtes Reden an die deutsche Nation. In: F.Mehring: Gesammelte Schriften. Bd. 13. Berlin 1983.

48. Zum Problemfeld Konservatismus versus aufklärerischer Utopie vgl.: J.Marquardt: "Der geschlossene Handelsstaat" – Zur konservativen Kritik einer aufklärerischen Utopie. Adam Müllers Replik auf Fichte. In: Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Jg. 39 (1991) H. 3.

49. Vgl.: J.G.Fichte: Aus dem Entwurfe zu einer politischen Schrift im Frühling 1813. In: Johann Gottlieb Fichte's sämtliche Werke. Hg. v. I.H.Fichte. Berlin 1845/46. Bd. VII.

50. Vgl. beispielsweise: A.Friedrichs: *Klassische Philosophie und Wirtschaftswissenschaft. Untersuchungen zur Geschichte des deutschen Geisteslebens im neunzehnten Jahrhundert.* Gotha 1913.

51. Vgl.: K.Marx: (Über Friedrich Lists Buch "Das natürliche System der politischen Ökonomie"). In: *Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung.* 14. Jg. (1972) H. 3.

52. J.G.Fichte: *Die Bestimmung des Menschen.* A.a.O.

53. So E. Bloch: "Der geschlossene Handelsstaat bleibt das erste, aus Urrechten deduzierte und utopisch ausgemalte System organisierter Arbeit. Mehr noch: Fichtes Schrift hält Sozialismus für möglich in einem einzigen, genügend großen und autarken Land". (E.Bloch: *Das Prinzip Hoffnung.* A. a. O. S. 646) Die Zuordnung zum "Staatssozialismus" geht zurück auf G.Schandler: *Jonahh Gottlieb Fichte.* In: *Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften.* Leipzig 1888. S. 28–101. H.Hirsch bewertet in seiner Einleitung Fichtes Handelsstaat: "Es handelt sich um eines der frühesten und für lange Zeit um das theoretisch-logisch am gründlichsten ausgearbeitete Model einer sozialistischen Planwirtschaft". H.Hirsch: *Einleitung.* In: J.G.Fichte: *Der geschlossene Handelsstaat.* Hg. v. H.Hirsch. Hamburg 1979. S. 10; weiterhin: L.Clerieri: *L'idea economico-sociali di Fichte.* In: *Archivo giuridico.* 64 (1900), S. 450–518 – dazu C.Cesa: *Zwischen juristischem Sozialismus und sozialistischer Religion. Die Diskussion über Fichte im Italien zu Beginn des 20. Jahrhunderts.* In: *Zur Architektonik der Vernunft.* Hg. v. J.Berthold. Berlin 1987. S. 233–243.

54. Vgl.: M.Rebospierres: *Eigentum als Menschenrecht? Rede im Nationalkonvent vom 24.04.1793.* In: W.Markov: *Revolution in Zeugenstand. Frankreich 1789–1799.* Leipzig 1982. Bd. II. S. 387; dazu auch: Babeuf: *Eigentum ist kein Naturrecht! Brief Babeufs an Chaumette.* 7.5. 1793. In: *Ebenda.* S. 410ff.; zu Sain-Just vgl. Bd. I. S. 429.

55. J.Höppner: *W.Seidel-Höppner / J.Höppner: Sozialismus von Marx.* *Beiträge zur Theorie und Geschichte des vormarxistischen Sozialismus.* Berlin 1987.

56. Vgl.: M.Buhr: *Vernunft – Mensch – Geschichte.* A. a. O.